

Самыми разными людьми были высказаны пожелания получить некоторые сведения об отношениях, существовавших между безвременно почившим лордом Ноэлем Байроном и господином фон Гете; кратко об этом можно сказать следующее:

Немецкий поэт до глубокой старости прилагал усилия тщательно и беспристрастно оценивать заслуги людей былых времен, равно как и своих современников, считая это вернейшим средством собственного совершенствования, и, конечно же, не мог не обратить внимания на великий талант лорда вскоре после первого же его проявления, да и далее неотступно следил за непрекращающейся деятельностью поэта и за его выдающимися творениями.

Нетрудно было заметить, что всеобщее признание поэтических заслуг Байрона росло и ширилось по мере увеличения количества и все большему совершенству его быстро следовавших одно за другим произведений. Это радостное участие было бы еще полнее, если бы гениальный поэт своею жизнью, исполненной темных страстей и внутреннего недовольства, до известной степени не омрачил себе столь богатого духом и безграничного творческого порыва, а друзьям своим — прекрасного наслаждения его возвышенным дарованием.

Однако немецкий почитатель, не позволяя сбить себя с толку, продолжал внимательно наблюдать эту столь редкостную жизнь и творчество во всей их эксцентричности, тем более поразительной, что прошедшие столетия ничего подобного не знали, и, следовательно, мы даже не имели критерия для суждения о путях этого великого поэта.

Старания немца не остались неведомы англичанину, что он нередко доказывал в своих стихах, а также никогда не упускал случая передавать через путешественников дружеский привет и поклон.

Затем, совершенно неожиданно и тоже с оказией, пришла рукопись посвящения к «Сарданапалу», написанная в почтительнейших выражениях, она сопровождалась запросом, будет ли ему дозволено предпослать таковое задуманной трагедии.

Немецкий поэт, в преклонном возрасте достаточно узнавший как самого себя, так и свои творения, мог лишь скромно и с благодарностью отнести к этому посвящению, видя в нем прежде всего превосходный, возвышенno чувствующий, неисчерпаемый и вполне самостоятельно творящий дух, и даже не подосадовал, когда после долгих промедлений «Сарданапал» был напечатан без этого предисловия. Он почитал себя счастливым уже тем, что является обладателем такой в высшей степени ценной памятки, как литографское факсимиле данного посвящения.

Но благородный лорд не оставил намерения высказать дружеские чувства своему немецкому сотоварищу по времени и по духу; драгоценный знак его внимания запечатлен на титульном листе трагедии «Вернер».

После всего сказанного каждый поверит престарелому немецкому поэту, что он, нечаянно узнав о столь глубоком и добром, не часто встречающемся на пути человека, намерении со стороны прославленного мужа, в свою очередь, готовился убедительно и ясно высказать, как он читает своего непревзойденного современника, какой восторженный интерес к нему его воодушевляет. Но задача эта была велика и по мере приближения к ней все ширилась и ширилась; ибо что прикажете сказать о смертном, достоинства которого невозможно исчерпать ни словами, ни рассуждениями?

Когда же некий господин Стерлинг, молодой человек приятной наружности и чистой души, весной 1823 года прибыл из Генуи в Веймар и в качестве рекомендательного письма привез с собой маленький листок, на котором великий человек собственноручно набросал несколько слов, а вскоре пронесся слух, что лорд решил свой великий ум, свои многообразные силы поставить на службу высоким и опасным целям в морских краях, медлить стало невозможным, и так возникло следующее стихотворение:

За словом слово дружбы к нам доходит,

Дарит нас с юга радости часами

И к благородным странствиям уводит:

Мы скованы не духом, а ногами!

Мой дух давно его сопровождает,

И что как друг ему отправлю в дали?

Он сам себя в душе опровергает,

Назвать приученный миры печали.

Себя почувствовать ему довлеет,

Назвать себя счастливым пусть дерзает,

Раз сила муз страданье одолеет.

Как познан мной, пусть сам себя познает.

Стихотворение достигло Генуи, но великий друг уже отплыл и, казалось, был далеко ото всех нас; однако, задержанный штормами, он сошел на берег в Ливорно, где от всего сердца написанные строки еще застали его, и он успел, в самый день отъезда — 22 июля 1823 года — ответить на них. Этот аккуратно исписанный листок — достойное свидетельство искренних и благородных отношений, ныне бережно хранится его обладателем среди наиболее ценных документов.

И как он должен был бы нас радовать, трогать и возбуждать прекраснейшие надежды, так, увы, иное, совсем особое и трагическое значение суждено ему было приобрести теперь, когда не стало нашего великого корреспондента. Обладанье им ныне только обостряет печаль, которую вместе с нами испытывает весь мыслящий и творческий мир, оплакивая невозвратимую утрату. После всех наших усилий мы теперь могли бы надеяться лично приветствовать этого великого духом, счастливо обретенного друга и вместе с тем человечнейшего из всех победителей.

Теперь же поддержкой нам служит только уверенность, что его нация вдругпротрезвится от уже забродившего кое-где порицающего, хулящего опьянения и поймет, что вся скропла и весь шлак времени и личности, из которых принужден вы свобождаться даже наилучший, были только минутными, тленными и преходящими, в то время как изумления достойная слава, которой поэт на веки веков возвеличил свою родину, останется незыблемой в своем великолепии и неисчислимой в своих последствиях.

Нет сомнения, что нация, гордящаяся многими великими именами, его оправдает и причислит к тем, кто даровал ей право вечно почитать себя.

Комментарии

Напечатано в «Дневнике бесед с лордом Байроном, записанных во время его пребывания в Пизе в 1821–1822 гг. Томасом Медвином» (на английском языке), Лондон, 1824.

...рукопись посвящения к «Сарданапалу»... — Байрон хотел посвятить свою драму «Сарданапал» (1821) Гете, но так как издатель напечатал книгу до получения текста посвящения, то Байрон через посредство других лиц переслал Гете рукописный текст посвящения: «Великому Гете, первому из современных писателей, который создал литературу в собственном отечестве и прославил собой литературу Европы, дерзает поднести дань уважения, как вассал своему ленному господину, чужеземец...»

...драгоценный знак его внимания... — Посвящение к драме Байрона «Вернер»: «Знаменитому Гете эта трагедия посвящается одним из смиреннейших его почитателей».

Стихотворение, посланное Байрону, было написано Гете 23 июня 1823 г., (см. т. 1).

...аккуратно исписанный листок... — Байрон действительно сообщал о своем намерении посетить Веймар.

...оплакивая невозвратимую утрату. — Отправившись в Грецию, чтобы участвовать в ее войне за независимость от Турции, Байрон скончался от лихорадки в г. Миссолонги 19 апреля 1824 г. Гете почтил память Байрона, создав во второй части «Фауста» его символический образ — Эвфориона (см. т. 2 наст. изд.).

А. Аникст